

Итоговое сочинение по литературе – 2015

Способность творчества
есть великий дар природы...
В.Г. Белинский

Снова пришло время писать сочинение по литературе в рамках объявленных тематических направлений: Дом, Путь, Литература, Любовь, Время. Они достаточно широки, и это не делает лёгким создание школьниками развёрнутого, аргументированного, а главное литературоцентричного сочинения. Хотя, казалось бы, в каком художественном произведении нет мотива времени, мифологемы дома, характеристики исторической эпохи, на фоне которой разворачиваются события, или героев, которые стоят перед выбором жизненного пути, отвечая на важные вопросы бытия.

С прошлого года кафедрой русской литературы и журналом «Бельские просторы» проводится беспрецедентная акция. Писатели пишут сочинения, а учителя-филологи их комментируют. В этом году «школьные» сочинения написали пять уфимских писателей: Артур Кудашев рассуждал о литературе, Дмитрий Масленников – о любви, Юрий Горюхин – о времени, Светлана Чураева – о доме, а Игорь Фролов – о пути.

Все сочинения соответствуют теме, авторами не нарушается логика сочинения-рассуждения, все тезисы аргументировано доказаны и развёрнуты. Так, Юрий Горюхин в своей работе преимущественно рассматривает время как философскую категорию, тайну которой пытаются разгадать и «физики», и «лирики». Писатель обращается к целому ряду имён и произведений: к фрагментам из стихотворений Г.Р. Державина, которые звучат в интерпретации Ю. Горюхина как диалог-спор поэта с самим собой; упоминает принцип трёх единств М.В. Ломоносова, имена Альберта Эйнштейна, Фёдора Достоевского, сюжет рассказа Рэя Бредбери «И грянул гром», страницы Корана об архангеле Джабраиле и пророке Мухаммеде. И хотя трудно представить, что эрудиция старшеклассника будет такой же глубокой, как у автора данного сочинения, оно не кажется трудным для восприятия или перегруженным примерами. Пожалуй, это одно из самых удачных сочинений, оно нешаблонное и демонстрирует творческую индивидуальность автора.

Следующим по своеобразному «школьному» рейтингу идет сочинение Светланы Чураевой. Говоря о доме, она обращается к исповедально-биографическому роману Петра Храмова «Инок». Это универсальное произведение нашего земляка, по которому можно написать сочинения по всем пяти направлениям. Светлана Чураева, анализируя его, рассуждает о доме как об устойчивой мифологеме в литературе, вбирающей в себя понятия семьи, рода, пробуждающей воспоминания о детстве. Точно выбирая из текста Петра Храмова нужные фрагменты, позволяющие доказать

свою точку зрения, Светлана Чураева размышляет о доме как о пристанище и спасении от хаоса, смерти и неверия. Данное сочинение демонстрирует оригинальность мышления и своеобразие интерпретации художественного произведения. Пожалуй, единственным замечанием является то, что в сочинении используются объёмные цитаты, которые трудно будет на экзамене воспроизвести по памяти.

Обратимся к работе Дмитрия Масленникова, которая занимает третью строчку в рейтинге представленных сочинений. Рассуждая о любви, автор приводит в качестве литературных примеров произведения уфимского писателя Салавата Вахитова. Сочинение выглядит как своеобразное признание в любви к писателю. Эмоциональное вступление, финал сочинения и оценка рассказов и повестей Салавата Вахитова; отступления (например, «для раскрытия темы я выбрал тексты автора, с которым знаком, страшно подумать, уже двадцать пять лет»), обращение к автору книг на «ты» и по имени, указывает на дружеские отношения между уфимскими литераторами. Ученику в данной работе, представленной здесь в качестве образца, может быть полезна та часть творческой работы, где Дмитрий Масленников анализирует рассказ «И это была любовь».

На четвёртой и пятой позициях в рейтинге сочинений стоят работы Игоря Фролова и Артура Кудашева, написанные в жанре эссе. Этот жанр позволяет выразить собственные мысли и чувства по конкретной теме, не претендуя на ее исчерпывающую трактовку. Но если в работе Игоря Фролова после сложных пассажей всё же есть обращение к литературному материалу (шумеро-аккадскому эпосу о Гильгамеше), то Артур Кудашев, практически игнорирует главное требование, предъявляемое к итоговому сочинению – литературоцентричность. И всё же в эссе Игоря Фролова о пути человека в этом мире, есть тезис, который учащиеся могут развить в своем сочинении, опираясь на самостоятельно выбранные литературные примеры: «<...> обретения и потери и есть тот багаж, который путешественник накапливает в пути, познавая мир и себя». Эссе же Артура Кудашева, оставаясь за рамками школьного сочинения, звучит, как гимн Литературе, которая должна быть «признана религией», для спасения «заблудшего народа».

Но, несмотря на все замечания, предлагаемые сочинения – это сочинения-образцы, которые демонстрируют учащимся виртуозное владение словом уфимскими писателями. Это образцы, которые красноречиво подтверждают высказывание Вольтера: «Прекрасная мысль теряет всю свою ценность, если она дурно выражена».

Ирина Прокофьева,
старший преподаватель кф. русской литературы
БГПУ ИФОиМК БГПУ им. М. Акмуллы

Четвертое измерение

*Время молчать и время говорить.
Экклезиаст.*

Его величество Время лежит в основе любого повествования, в основе любого литературного произведения. С какого бы события ни начал сочинение писатель, он либо поведет нас вместе со своими героями вперед по временной оси координат, либо по этой же оси отправится с нами назад. И даже если писатель схитрит и, замкнув окружность, вернет своих персонажей в точку отсчета, нам будет понятно, что в его мире многое изменилось. Ведь, как мы помним, еще Гераклит говорил: «Все течет, все изменяется, и дважды в одну и ту же реку войти невозможно». Очевидно, что вообще без времени писателю не обойтись, более того, оно не в его власти, так же, как не во власти любого из нас, «плывущего в этой реке». Конечно, не каждого литератора это устраивает, ведь он – творец, демиург, сотворивший на чистом листе бумаги свой неповторимый мир.

И как тут не попытаться усмирить непокорное время? Хотя бы формальным способом, например, через триединство постулатов классицизма, которые Михайло Ломоносов назвал теорией «трех штилей»: единство времени, единство места и единство действия. Но под силу ли всем смертным писателям такие задачи? «Да!» – сказал бы Гавриила Державин, «земную жизнь пройдя до половины»:

Я связь миров повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества...

И сам себе бы возразил в предсмертном стихотворении:

Река времён в своём стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.

Но что нам жителям двадцать первого века классицизм с романтизмом, когда у нас есть научная фантастика! Казалось бы, что с появлением в литературе механизма по имени Машина времени, холодное бесстрастное вековое течение ни на кого больше не навеет грусть. Но не тут-то было! Бабочка Рэя Бредбери раздавлена перенесенным в Мезозойскую эру охотником Экельсом, и Время за бесцеремонное с ним отношение жестоко мстит.

Что же остается художнику слова? Как ему почувствовать себя во времени? Может быть, ответ кроется в прозвучавшем эпитете «научная»? Может быть, настал час вспомнить главного специалиста по скорости света и «черным дырам» Альберта Эйнштейна: «Достоевский дает мне больше, чем любой научный мыслитель, больше, чем Гаусс!»?

Что же такого дал писатель Достоевский физику Эйнштейну? Возьмем на себя смелость предположить: он дал ему четвертое измерение – Время! Достоевский через пограничные состояния своих героев, да и через свое собственное, показал, как время может сжиматься и разжиматься в голове отдельно взятого персонажа, то есть быть той четвертой координатой, по оси которой мы прошли в начале нашего разговора. Наверное, еще более наглядным будет пример из другого текста, на этот раз священного. Когда архангел Джабраил пришел к пророку Мухаммеду, тот опрокинул кувшин с водой. И пока кувшин падал, Мухаммед успел на крылатом коне Бураке перенестись в Иерусалим, вознестись на небо, увидеть ад, семь небес, выслушать девяносто девять тысяч слов Аллаха, вернуться на Бураке назад в Мекку и подхватить падающий кувшин!

С тех пор прошло полторы тысячи лет, Федор Достоевский пережил в последний момент отмененную смертную казнь, Альберт Эйнштейн, прочувствовав художественный мир Федора Достоевского, ввел в научный обиход теорию относительности Эйнштейна, и любой читатель, сдавший ЕГЭ по физике, теперь знает, что кувшины с водой могут опрокидываться сколько угодно долго.

Можно продолжать рассуждения о времени, цитировать литераторов, философов, физиков, математиков, психиатров, но разве наши слова изменят фразу на кольце царя Соломона: «Все пройдет, и это тоже пройдет»?

**Дом как символ семьи и рода
(по роману Петра Храмова «Инок»)**

Когда человек впервые построил дом? Точную дату уже не назвать, но ясно, это случилось, когда он, перестав кочевать, решил «пустить корни» – там, где ему понравилось, где он ощутил себя хорошо и спокойно. Став осёдлым, человек утратил часть свободы, но взамен приобрёл привязанность. Дом и семья не случайно синонимы – это узы, удерживающие нас на Земле, не позволяющие смерти выдернуть нас из этого мира.

В архаичной мифологии дом всегда был связан с женским началом. И, действительно, дом держится на женщине, независимо от того, любит она хозяйничать или нет: просто женщина, мать, бабушка – хранительницы родовых традиций.

Писатель Пётр Храмов – обладатель говорящей, символической фамилии; он, по сути, – Домов. Ведь Храм – дом божий, а дом – всегда храм, если правильно к нему относиться.

И Пётр Храмов – не просто писатель, но ещё и художник, он чуток вдвойне, струны его души безупречно настроены на восприятие тончайших нюансов вселенной. Поэтому он интуитивно ощущает древнее тождество: дом – это семья, это род. «Ах, какой это был дом!» – первые слова автобиографического романа «Инок», в самом начале которого герой обретает осёдлость. Причём, конечно, с помощью Великой Матери – бабушки: «Впервые мы смотрели на этот дом вместе с бабушкой, и я по сей день помню ощущение своей руки в её большой и мощной ладони».

В доме герой обретает убежище от внешнего, зачастую недоброго, мира: «Этот полумрак очень мне нравился, он казался мне уютным и четко отделяющим нашу семейную неповторимость от мира внешнего – чуждого, непонятного и враждебного», – пишет Храмов.

Дом, подобно раковине улитки, одновременно – и внешняя оболочка личности, и то, что содержит его космос. В этом уютном космосе – как в материнской утробе – вызревает мужчина. Сначала он – малыш, и в доме проступает «сказочное простодушие хором царя Салтана». Потом он – подросток и видит в доме «привлекательную чуждость вальтерскоттовских замков». И, наконец, повзрослев, юношей, герой обнаруживает в привычном жилище черты «совестливой и смирной интеллигентности чеховского дома с мезонином».

И, вот что любопытно, писатель задаёт нам загадку – даёт понять, что номер его квартиры 13: «Мы жили в предпоследней квартире, а в самой последней, четырнадцатой...», но не говорит об этом прямо, не произносит число, которое во многих культурах – и в христианстве тоже – обозначает смерть. (А «Инок», безусловно, – православный роман.) В христианской традиции число 13 соотносится с апостолом Иудой, страшный грех которого – не столько предательство Христа, сколько потеря веры в Него, потеря

надежды. И Храмов в своём романе разворачивает перед читателем поразительную картину битвы человека с Иудой в себе, рассказывает историю своей борьбы с неверием.

Наряду с этим, Пётр Храмов, не называя номер квартиры, как бы старается не пустить смерть внутрь дома. Она всё равно приходит – умирает бабушка, разрушают дом. Но его образ уже, надёжно, кровно, пророс в душе. Там же, в душе – в этом доме – по-прежнему живы бабушка, мама. И любовь, семейная привязанность прочно держит человека, не отдаёт на поругание невзгодам.

Направление – любовь!

«Всегда кажется, что нас любят за то, что мы хороши. А не догадываемся, что любят нас оттого, что хороши те, кто нас любит».

Л.Н.

Толстой

Признаюсь честно, писать о любви – дело не очень трудное, хотя, откровенно говоря, – достаточно неблагоприятное. И не только потому, что у каждого человека всегда будут свои ассоциации и воспоминания, связанные с этим светлым и немножко грустным чувством. Сложное проверяется простым, и поэтому как не признать правоту Льва Толстого: «...Всякое рассуждение о любви уничтожает любовь». Но тема означена, карандаш отточен, а значит – вперед, мой «сорассуждающий» читатель!

Литературный процесс Башкирии первых десятилетий XXI века переживает просто запредельный подъем: центральные издательства обратили-таки внимание на литераторов Уфы, критики вздохнули о наступлении Золотого века уфимской поэзии, встречи с писателями, обсуждение книг, поэтические слэмы и конкурсы, авторские чтения и спектакли, литературный марафон «Горящая гора» и, как говорится, нет им числа... Навскидку назову лишь несколько произведений, авторы которых талантливо и искренне рассказывают (да простит меня читатель, я – по-Маяковски!) Про это: «Если бы судьбой была я» В. Богданова и С. Чураевой, «Мотылек» Е. Рахимкулова, «Женщина старше» И. Савельева, «Шофер Тоня и Михсергеич Советского Союза» Ю. Горюхина, весь И. Фролов («Наша маленькая скрипка», «Учитель Бога», «Теория танца»).

Но для раскрытия темы я выбрал тексты автора, с которым знаком, страшно подумать, уже двадцать пять лет. Это Салават Вахитов и его произведения «Люби меня всегда», «Пушкин 37-го года», «Хорошие люди», «Любовь 24 часа»... Книги Салавата стали активно издавать и в республике, и за её пределами. А я всегда поражаюсь ощущению легкости: будто разговариваешь с близким человеком, а он вышел на минутку – и вот снова за дружеским столом рядом с тобой. И герои прозы Салавата такие же: близкие, хорошие люди. Хорошие потому, что они всегда влюблены (как, видимо, и сам автор).

Любовь – вечный сюжет вахитовской прозы. Так, например, перманентно влюблены герои повести «Разорванное сердце Адель»: Джулия, которая проходит становление от полемической статьи «Пять причин, почему я хочу покинуть Россию» в начале повествования до «Пяти причин, по которым я хочу остаться в России» в конце, трогательная, похожая на Винни-Пуха Адель, нескладный Артур-Вадим, находчивый и верный Йоршик, верзила Гусь, вожатые Людмила и Роман и, конечно, мама и папа Юли-Джулии, которые любят друг друга, но, как это часто бывает, не живут вместе...

Пожалуй, несколько особняком стоит рассказ С. Вахитова «И это была любовь», героиня которого – 14-летняя Валя – встречает пленного немецкого солдата Хайнца в послевоенном Черниковске и сначала пугается «...так сильно, что не могла сдвинуться с места, потому что он шел прямо ко мне, глядя мне в глаза, и еще потому, что его серьезное по-детски веснушчатое лицо напомнило мне старшего брата, пропавшего на войне». Героиня «подкармливает» немца своими школьными завтраками, проходит через непонимание и резкое неприятие (как можно испытывать симпатию к врагу?!?) сверстников и старших и собственными руками отдает свое счастье (золотую брошку в виде змейки) подруге Ленке.

И какое это страшное прозрение, прожив всю жизнь без любви, узнав о предательстве подруги, выслушав ее страшное откровение («Ведь нету никакого Бога, Валя. И души тоже нет. Разве может быть душа у опавших листьев? Если она и есть, то, наверное, у дерева. Мы ж только червяки, поедающие падаль. А у червяка вместо души – память, существующая только при жизни. Поэтому и прощение ему нужно лишь при жизни, чтобы спокойно доползть отмеренный ему век»), простить всех и понять, что та любовь, которой не случилось, и была единственной, самой настоящей...

И вот, что еще: Генрик Ибсен справедливо утверждал, что «перед любовью бессильны ужас и мрак смерти». «Люби меня всегда» называется одна из повестей С. Вахитова, и слова эти удивительны потому, что у настоящей любви не бывает прошедшего времени, у нее не бывает условного наклонения, а повелительного – тем более. Да и настоящего времени у настоящей любви не бывает. Потому что фраза «Я люблю тебя» звучит сиюминутно пошло, а «Я любил тебя в прошлую пятницу» – кощунственно. «Я любил бы тебя, если бы не...» звучит невообразимо дико, а «Люби меня!» звучит откровенно мерзко. Поэтому у настоящей любви всегда есть только время будущее: «Я буду любить тебя всегда!!!» – и в настоящей любви бывает только и именно так!

Измерение человека

Сочинение-эссе

Чтобы в кратком тексте хотя бы приблизиться к пониманию такого широкого и глубокого понятия, как Путь, придется начать не с лирики, а с физики. Один из краеугольных камней современной физики – принцип наименьшего действия. Действие же равно произведению импульса тела на пройденный телом путь. И наука утверждает, что из всего бесконечного множества лежащих перед телом путей, тело (будь оно элементарной частицей или галактикой) выбирает траекторию, на которой то самое действие будет минимальным. Это вовсе не означает кратчайшего расстояния между телом и его целью, что доказывает, к примеру, народная мудрость об умном, обошедшем преградившую путь гору. И гора эта (обратите внимание на минимальность действия, несмотря на дистанцию огромного размера) переводит нас от физики к лирики, сохраняя тему неисповедимости путей. Разве не об относительности пути к цели говорит пример с пророком, идущим к горе, если гора не идет к нему? Идешь ли ты к цели, цель ли идет к тебе, – эта относительность лишь одна из особенностей приближения и достижения. Длина пути так же мистична, как и его направление. Часто случается так, что расстояние в один шаг легче преодолеть, совершив кругосветное путешествие. А можно проделать огромный путь, вообще не стронувшись с места...

Тем не менее, несмотря на всю многомерность пути, главной составляющей всегда было расстояние между двумя точками в пространстве. Человек идет по суше, плывет по воде, летит по воздуху или в безвоздушном пространстве, – он шествует по пути, он путешествует. И путь его не прям и не гладок, он полон преград, и, чтобы преодолеть их и достичь цели, нужно затратить много сил и времени, а иногда и всю жизнь. И неудивительно, что литература родилась в результате охоты человека к перемене мест. Путевые заметки, истории о неведомых странах, рассказанные путниками, положили начало книгописанию, – ведь только посредством написанного и размноженного текста путешественник мог поведать о перипетиях своего уникального пути множеству людей. Одиссей, Дон-Кихот, Гулливер, Робинзон, и многие-многие литературные герои являют собой людей Пути, и их невозможно представить ушедшими на покой, – недаром и книги о них заканчиваются вместе с окончанием их странствий...

Рожденная путешествием, литература унаследовала и его законы. Основной закон человеческого пути – эволюция, развитие. Даже кругосветный путешественник, возвращаясь в ту же точку, из которой отправился, возвращается уже не тем человеком, каким был в начале пути. И великая литература повествует именно об этом.

Яркий пример такого изменения – самый первый известный нам литературный текст. Шумеро-аккадский эпос, оттиснутый стилем на глиняных табличках несколько тысячелетий назад, повествует о подвигах

царя Гильгамеша, о его жизненном пути. Гильгамеш начинает свой Путь молодым, полным физических сил и не отягощенным мыслью человеком, но продвигаясь вперед и преодолевая препятствия, совершая подвиги, переживая смерть друга, встречу с единственным бессмертным, обретая и теряя траву бессмертия, – Гильгамеш меняется, его сила умножается на мудрость, и он становится тем царем, чье имя живет уже несколько тысяч лет.

Гильгамеш появляется в начале книги как человек «неполный», которого автор-творец предназначил для испытаний. Пройдя уготованный ему путь, герой изменяется, картина его отношений с миром достигает своей законченности – по крайней мере, в рамках выбранных автором жанра и сюжета. Казалось бы, силы героя, затраченные на достижение поставленной цели – бессмертия, – истрачены впустую. Но тем и отличается путь от перемещения из точки А в точку Б, что целью является сам путь, все связанное с преодолением и достижением, – обретения и потери и есть тот багаж, который путешественник накапливает в пути, познавая мир и себя. Именно это приращение личности – а оно может быть как положительным, так и отрицательным – и показывает, насколько идущий своим путем человек смог справиться с предложенными ему испытаниями. И в этом смысле не только мы измеряем пути, нам выпадающие, но и пути измеряют нас.

Возвращаясь к принципу наименьшего действия, я думаю: а не пора ли физике обратиться к лирике за примерами того, как нарушается принцип наименьшего действия на путях героев литературных и настоящих. И тогда, может статься, мы поймем, как из сонма частиц, движущихся, казалось бы, по принципу экономии сил, родился наш прекрасный мир.

Боже, храни литературу

Нам, простым смертным читателям и писателям, всё чаще говорят и пишут, что литература гибнет и скоро ей совсем конец. Даже сама литература предупреждает нас о том же. В этом смысле проведение «Года литературы» – шаг логичный, но разовый и, по большому счёту, бесперспективный. Тенденцию оно вряд ли изменит.

Что же делать? У меня в связи с этим есть одно маленькое предложение. Предлагаю создать из литературы культ. Религию, то есть. В принципе, всё необходимое для этого у нас есть.

Во-первых, есть вера. Вера в то, что литература может что-то изменить, что она для чего-то людям нужна. У некоторых из нас даже есть наивная вера в Страшный читательский суд в то, что когда-нибудь (когда – Бог весть) неблагодарный, недооценивший и непрочитавший тебя читатель поймет, какой талант жил и творил рядом с ним все эти годы.

Во-вторых, есть верующие адепты. И их, то есть нас, довольно много. Мы, конечно, все разные, порой нетерпимые друг к другу. И всё же, то, что нас объединяет, сильнее того, что нас же дробит. Мы, в отличие от людей, литературы не знающих и знать не желающих, иные, просветлённые, нашедшие...

В-третьих, у нас есть священнодействие. Своего рода, религиозные практики. Так сказать, способы отправления культа. Чтение текста. Написание текста. Обсуждение текста. Его восхваление или порицание. И даже его ритуальное сожжение...

В-четвёртых, у нас есть готовая иерархия. Есть небожители, почти что боги – Гомер, Шекспир, Достоевский... Есть святые. Эти рангом пониже, но тоже парят и летают. Каждый в своём эшелоне. Есть священники. Эти уже на земле. Так сказать, в полях и на локациях. Сеют, в меру способностей, разумное, доброе, вечное. Наконец, имеется паства. Широкая читательская масса.

В-пятых, у нас тоже бывает своего рода религиозный экстаз. Обливание слезами над вымыслом. Поминание сукиного сына при перепрочтении собственных опусов. Февральское доставание чернил и плаканье.

В-шестых, у нас есть (да кто бы сомневался?) свои священные тексты. Есть тексты Истинные. Есть апокрифы, а есть и фанфики.

В-седьмых, у нас даже есть свои храмы и свои святые места. Особняки писательских союзов. Редакции литературных журналов. Мемориальные доски, бюсты и памятники.

В общем, у нас всё есть. Дело за малым. Давайте уже признаем Литературу религией. И побежим спасать окружающий нас бедный, заблудший народ. Увлекаемый ныне злыми и дремучими язычниками незнамо куда. Ведомый во мраке, освещаемом дьявольским отсветом мониторов, коммуникаторов и прочих портативных устройств...